

Ключевые слова: музыкальная культура, российская провинция, художественная провинциология, научная сфера, субкультура, центр-периферийные отношения.

Юдина Вера Ивановна

Доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры теории и истории музыки, Орловский государственный институт культуры, Орел
ORCID ID: 0000-0002-0387-0314
udina@orel.ru

Key words: musical culture, Russian province, provincial art, science, subculture, center-periphery relations.

Udina Vera I.

Doctor of Cultural Studies, PhD in Art Studies, Professor, Department of Theory and History of Music, The Orel State Institute of Culture, Orel
ORCID ID: 0000-0002-0387-0314
udina@orel.ru

ЮДИНА В.И.

Музыкальная провинциология: на пути институализации научной сферы

В статье обосновывается выдвижение музыкальной провинциологии как особой научной сферы, рассматривающей систему музыкальной культуры российской провинции как совокупности практико-институциональных форм, составляющих музыкальное бытие провинции, и собственно музыкальных артефактов (феноменов, текстов, произведений) со свойственной им системой символично-метафорических «знаков провинции». Представлена ретроспектива научных подходов к феномену провинциальной музыкальной культуры в современном отечественном музыкознании.

UDINA VERA I.

Musical Provincial Studies: Towards Institutionalization of the Scientific Sphere

The article substantiates the promotion of musical provincialism as a special scientific sphere, considering the system of musical culture of the Russian province as a set of practices and institutional forms that make up the musical life of the province, and the actual musical artifacts (phenomena, texts, works) with their characteristic system of symbolic and metaphorical “signs of the province.” A retrospective of scientific approaches to the phenomenon of provincial musical culture in modern Russian musicology is presented.

В настоящее время в различных регионах России прослеживается устойчивая тенденция возрождения из небытия всего того ценного, что связано с искусством своей «малой родины». В том числе и самобытные пласты музыкальной культуры – фольклор, оригинальное творчество местных авторов и связанные с ним исторические материалы – активно внедряются в культурную практику, утверждая тем самым не только свою узколокальную, но и общенациональную значимость.

Возникает необходимость осмысления накопленных многочисленных фактов музыкальной культуры российской провинции как системного целого, позволяющего за разрозненным эмпирическим материалом выявить общие тенденции, проследить закономерности их развития. Этим и обусловлено выдвижение музыкальной провинциологии как научной сферы, представляющей российскую провинцию в ее «музыкальном измерении» – в совокупности практико-институциональных форм, составляющих музыкальное бытие провинции, и собственно музыкальных артефактов (феноменов, текстов, произведений) со свойственной им системой символико-метафорических «знаков провинции».

Институализация музыкальной провинциологии предполагает определение ее исходных теоретических компонентов: методологических основ, круга анализируемых проблем, специфики исследовательского ракурса, иных составляющих специфику дискурса данной научной сферы элементов. В связи с этим особую значимость приобретает выдвигаемый некоторыми учеными тезис о возможности художественной провинциологии, способной с наибольшей адекватностью передать метафизику провинциальной культуры

с характерными для нее «ценностно-нормативными и сакральными характеристиками» [2, с. 291]. «Симптоматичным, на наш взгляд, является исследование региональной художественной культуры, которую в силу сложившейся традиции можно рассматривать как индикатор происходящего в региональной культурологии прежде всего потому, что именно явления искусства и художественная жизнь зачастую репрезентируют всю культуру целиком. Отличительными особенностями становятся, с одной стороны, феномены, несущие на себе так называемый местный колорит; с другой, то, что повторяет достижения „столичного искусства“ на провинциальной почве» [6, с. 20].

Провинциальное «измерение» отечественной музыкальной культуры становится объектом самостоятельного исследования лишь в последнее время: выделяются различные аспекты проблемы – исторические и современные, жанрово-стилевые и индивидуально-персоналистские. При этом весьма отчетливо определяется культурологический ракурс анализа, отличный от музыкально-исторического и краеведческого как «чисто описательной фиксации разрозненных и имеющих лишь местное частное значение фактов» [3, с. 3].

На примере отдельных работ выделим те подходы, которые представляются наиболее соответствующими проблемной сфере музыкальной провинциологии.

Ее центральным элементом следует считать анализ провинциальной музыкальной культуры в системе русской музыкальной культуры в целом. Так, характеризуя особенности развития музыкального театра в России конца XIX – начале XX века, В.Н. Романова и Е.М. Левашев подчеркивают необходимость его осмысления во всероссийском контексте, соответствующего такому уровню, когда «музыкально-историческая наука <...> уже не могла довольствоваться обобщенными монографиями о русской музыкальном театре, в котором подавляющее место занимало описание оперных постановок и явлений театральной жизни двух столиц, а картина провинциального оперного театра обрисована как бы отдельными мазками с повторением одних и тех же хрестоматийных образцов, которые хотя и создают видимость обзора, но не достигают нужной полноты изложения» [7, с. 183]. В проведенном анализе «культурологического хронотопа» музыкально-театральной жизни русской провинции ру-

бежа XIX–XX веков следует особо выделить взаимосвязь центростремительных и центробежных тенденций, позволяющую представить наиболее полный обзор провинциальной музыкальной жизни в ее сравнении со столичными явлениями.

Период рубежа XIX–XX веков оказался весьма привлекательным для панорамного исследования музыкальной культуры отдельных регионов. При этом выявляются интересные аналитические подходы, важные для разработки методологии музыкальной провинциологии. Так, в работе И.П. Козловской [4], посвященной музыкальной жизни Урала конца XIX – начала XX века, выделены два принципа, важных для провинциальной музыкальной культуры в целом:

– принцип дополнительности, основанный на дифференциации понятий «музыкальная жизнь» и «музыкальная культура». Первое рассматривается как становление, способ существования музыкальной культуры; второе – как относительно статичная система нормативов, эталонов, ценностей, своего рода «откристаллизовавшаяся» музыкальная жизнь. Принцип дополнительности определяет деятельностно-динамический характер взаимосвязи двух категорий;

– принцип ротации как основа музыкальных взаимосвязей столицы и провинции, обеспечивающий единое целое русской музыкальной культуры. Ротация как «последовательное, постепенное вращение элементов какой-либо структуры с места на место, членов какого-либо коллектива с должности на должность» носит универсальный характер. Ротация функционирует на различных уровнях, взаимодействие которых определяет ее системный характер. Автор выделяет:

кадровую ротацию – движение творческих индивидуальностей, их (относительно) долгосрочное включение в музыкальную жизнь провинциально-локальной среды;

репертуарную ротацию (диффузию), обнаруживающую себя в постоянной трансформации звукового тезауруса провинции;

смешанную ротацию, объединяющую две первых формы и наиболее полно реализованную в гастрольной практике, когда происходит расширение звукового тезауруса провинции за счет участия творческой личности, даже кратковременного, в музыкальной жизни провинции.

Обращение к истории русской провинции способно выявить значимые культурологические компоненты, действенные для музыкальной провинциологии в целом. Среди них – исследование отдельных музыкальных субкультур в системе целостной провинциальной музыкальной культуры (которую в свою очередь можно рассматривать как субкультуру русской музыкальной культуры в целом или субкультуру в рамках провинциальной художественной культуры как таковой).

Показательна работа Б.В. Седухина, посвященная культурологическому анализу народной музыкальной культуры. В ней разработана культурологическая дефиниция народной музыкальной культуры как «компонента духовного производства, выражающего мирозерцание народа посредством собственного музыкального творчества и запечатленного в памяти этого народа» [9, с. 19]. Подвергая данный феномен макро-, мега-, микрокультурологической рефлексии, автор рассматривает роль народной музыкальной культуры в формировании великорусского этноса, определяет ее как важный элемент жизнедеятельности локального социума, форму его самоидентификации, выделяет личностные, семиотические аспекты музыкального фольклора. Анализируя основные тенденции развития народного музыкального творчества в советское и постсоветское время, его современное состояние в условиях конкретного региона (Смоленской области), исследователь выявляет тенденции активного преобразования традиционных представлений о фольклоре под влиянием общекультурных новаций. При этом из поля зрения автора не выпадает практический аспект анализа: учет процессов активного взаимодействия музыкального фольклора с многообразными сферами современной музыки, профессиональными и полупрофессиональными, необходим для создания современной модели культурной политики, обеспечивающей сохранение народной музыкальной традиции при неизбежной модернизации традиционных форм ее бытования.

Другим примером исследования отдельной провинциальной музыкальной субкультуры может служить работа С.Н. Дергуновой: в ней религиозная музыкальная культура российской провинции рассматривается как составная часть целостной духовной жизни второй половины XIX в, своеобразная «адекватная реакция» на ведущие общедуховные и художественные процессы, происходившие в России

в это время [1]. Генезис и трансляция локальной духовно-музыкальной традиции (Костромская губерния) анализируется во взаимообусловленности и взаимопроникновении сакрального и секулярного начал, а религиозно-музыкальный культурно-образовательный феномен в условиях данного локуса рассматривается не просто как специфическое духовное явление, а как коммуникативный феномен, обусловленный практикой бытования традиционных церковно-музыкальных жанров (Литургия, Всенощная, колокольный звон).

В работах, посвященных анализу провинциальных музыкальных субкультур, отчетливо определяется тенденция единства общего и локального, когда отдельная сфера – субкультура – провинциальной музыкальной культуры конкретизируется под локальным углом зрения. Наряду с этим можно выделить работы панорамного характера, когда определенная тенденция в развитии музыкальной жизни провинции «не привязана» к конкретному региону, а рассматривается в широком контексте всей провинциальной культуры.

О.В. Рябова, например, рассматривая театр оперетты в условиях российской провинции конца XIX – начала XX века, на примере отдельного жанра анализирует целый ряд культурологических проблем:

– стратификацию российской культуры, где провинция – одна из субкультур со специфическим типологическим комплексом, своеобразие которого определяется этнокультурными свойствами провинциального менталитета в совокупности с привнесенными формами;

– субъект российской провинциальной культуры, в качестве которого выступает многослойное население периферийных городов. Особо подчеркивается роль интеллигенции как носителя наиболее выраженных доминантных черт провинциального менталитета, способного оказать влияние на социокультурную сферу и художественно-эстетическое пространство провинции;

– взаимосвязь провинции и столицы, а также провинции и мировой культуры, реализуемая в музыкальной практике конца XIX – начала XX века через механизм аккультурации, который представляет собой «процесс взаимодействия культур, в ходе которого происходит изменение, усвоение новых элементов и образование принципиально нового культурного синтеза» [8].

Оперетта рассматривается автором как жанр, максимально отвечающий культурным запросам субъекта российской провинции.

Своеобразие культурно-исторического значения данного жанра определяется тем фактом, что он не имел своей национальной формы, а заимствовал европейские образцы и адаптировал их на российской, в том числе и провинциальной сцене. Таким образом, российская провинция оказывается встроенной в диалог не только с музыкальной культурой российских столиц, но и с мировым музыкальным искусством.

Эта же позиция анализа провинциальной музыкальной культуры России в общемировом контексте представлена в работе исследователя из Бергамо Уго Перси [11]. Автор прослеживает трансляцию западноевропейского музыкального опыта в российскую глубинку конца XVIII – начала XIX века как «траекторию бильярдного шара», состоящую из нескольких сегментов: Запад – Петербург (российская столица), Петербург – провинция. Конечной точкой траектории движения становится усадьба, где исключительно аристократическая по своему происхождению музыка приобретает национальные черты, чему способствовала двойственная сущность усадебной культуры. Опираясь на анализ классической русской литературы, в которой широко разработан образ иностранного музыканта в России, исследователь рассматривает проблему субъекта провинциальной музыкальной культуры и выделяет два типа провинциального музыкального деятеля, наиболее показательных для конца XVIII – начала XIX века: тип ретранслятора (представителя столичного дворянства, переносившего столично-европейскую музыкальную модель на локальную почву) и тип музыкального «старосветского помещика» (местное оседлое дворянство, преемники или подражатели перенесенной музыкальной модели).

Диалог провинции с мировой культурой – проблема, актуализированная ситуацией современной культурной глобализации. Позитивные и негативные последствия влияния глобализации на локальные особенности музыкальной повседневности рассматривает Т.Г. Чумак. Выявляя культурологический контекст современных процессов музыкальной ассимиляции на «бытовом» уровне, автор приводит факты пополнения музыкального опыта знаниями, умениями, новыми технологиями, замечая, однако, что «локальное без учета универсального сегодня нежизнеспособно, а глобальное без локального приводит к конфликтам» [12, с. 340].

Современные тенденции взаимодействия столицы и провинции в музыкальной культуре Е. Трёмбовельский рассматривает на примере Академии музыки «Новое передвижничество». В начале 1990-х годов в России определилась художественно-просветительская программа «продвижения» столичных музыкантов и музыкальных коллективов в провинцию, «колоссальная художественная инъекция в культуру региона» [10, с. 38], охватившая разные регионы России – Юга России, Поволжья, Урала, Сибири. Весьма привлекательной представляется установка автора на включение в сферу анализа различных музыкальных субкультур, в частности, сельского фольклора – позиция, весьма нечасто встречаемая в исследованиях провинциального искусства (литературы, архитектуры, изобразительного искусства).

Интересна предложенная Е. Трёмбовельским структура современной российской музыкальной культуры, охарактеризованная с позиции центрально-периферийных отношений. В ней выделены четыре слоя – столичный и три провинциальных: «большая провинция» – университетские города, города с соответствующей музыкальной инфраструктурой (музыкальные вузы, организации Союза композиторов, филармонии, театр оперы и балета), способной сделать их региональными центрами или региональными (краевыми) культурными столицами; малая провинция – все остальные города, не только небольшие, но и весьма крупные; деревни, села, поселки. В связи с этим расширяются привычные представления о иерархичности столично-провинциальных отношений, появляются так называемые «региональные музыкальные столицы», когда отдельные города на время проведения значительных художественных событий выполняют функции центров культурной жизни, собирая творческие силы не только своего региона, но и всей страны.

Такая позиция созвучна взгляду К.М. Курлени, который выдвигает идею «провинциального музыкального центра». Музыкальная культура Новосибирска последних десятилетий советской истории рассматривается «в системе взаимосвязей ее вершинных и низовых пластов, в совокупности наиболее репрезентативных проявлений» [5, с. 3]. Анализируя глубинные механизмы формирования регионального культурного пространства в условиях поздней советской государственности, автор делает объектом своего анализа разножанровые музыкальные произведения и музыкальную публицистику.

Академическая музыка новосибирских композиторов, произведения массовой культуры, музыкальная публицистика местных авторов выступают как свидетельства формирования новой ценностной шкалы, рожденной протестными гражданскими концепциями и нацеленной на индивидуальную творческую самореализацию. «Мифологемы новосибирского музыкального бунта» в авторской концепции рассматриваются в контексте кризиса центрально-периферийных отношений, когда в условиях утраты столицей стратегических культурных установок провинция вырабатывает собственное видение перспективы художественного и духовно-нравственного развития, отличного от официальной советской идеологии и культурной политики.

Представленная ретроспектива многообразных подходов к проблеме провинциальной музыкальной культуры может быть также дополнена весьма важными и значимыми для музыкальной провинциологии аспектами. Это далеко не всегда принимаемая во внимание академическим музыковедением материальная сторона музыкальной культуры, относящаяся к сфере производства и обеспечивающая ее трансляцию и воспроизводство (изготовление музыкальных инструментов и строительство концертных залов и театров, издание нот, книг и т.п.); место музыки в быту, в структуре повседневности, определяющее, вместе со специальными музыкальными мероприятиями (концертами, театральными спектаклями и др.), содержание общественной музыкальной жизни; отношения с различными областями духовной культуры (мировоззренческие, идейные, нравственные, религиозные аспекты музыкальной культуры).

Кроме того, музыкальная провинциология, рассматривающая музыкальную культуру российской провинции в зеркале культурологического дискурса, охватывает совокупность аналитических проблем, в том числе музыкальную практику, музыкальные тексты, музыкальную мифологию и семиотику [13; 14].

Список литературы:

- 1 *Дергунова С.* Религиозная музыкальная культура провинциальной России второй половины XIX века: формирование и трансляция в Костромской губернии: Дисс. ... к. культ. Кострома, 2003.
- 2 *Злотникова Т.* Провинция // Культурология. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / Гл. ред. и автор проекта С.Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007.
- 3 История русской музыки: В 10 т. Т. 10 Б.: 1890–1917 / Под ред. Л.З. Корабельниковой и Е.М. Левашева. М.: Музыка, 2004.
- 4 *Козловская И.* Музыкальная жизнь Уральской провинции конца XIX – начала XX в. (на примере Пермского края): Дисс. ... к. ис-вед. Новосибирск, 2008.
- 5 *Курленя К.* Мифологемы бунта в музыкальной культуре Новосибирска 70-х – начала 90-х гг. XX столетия: Монография. Новосибирск: ГУП СИКПКП «Наука», 2005.
- 6 *Мурзина И.* Феномен региональной культуры: бытие и самосознание. Дисс... доктора культурологии. Екатеринбург, Изд. Урал. Пед. Ун-та. 2003.
- 7 *Романова В., Левашев Е.* Музыкальный театр провинции // История русской музыки: в 10 т. Т. 10 Б.: 1890–1917 / Под ред. Л.З. Корабельниковой и Е.М. Левашева. М.: Музыка, 2004. С. 183–289.
- 8 *Рябцева О.* Театр оперетты в условиях российской провинциальной культуры конца XIX – начала XX века: культурно-исторический анализ: Дисс. ... к. ис-вед. М., 2006.
- 9 *Седухин Б.* Народная музыкальная культура: состояние и тенденции развития: Дисс. ... к. культ. М., 2004.
- 10 *Трембовельский Е.* Столицы и провинция: взаимодействие культур // Музыка и музыкант в меняющемся постсоветском пространстве. К 40-летию Ростовской консерватории: Сб. ст., Ростов/Д.: Изд-во Ростовской гос. консерватории имени С.В. Рахманинова, 2008. С. 20–45.
- 11 *Уго Перси.* Траектория русской музыкальной культуры (конец XVIII – начало XIX в.) // Русская провинция: миф – текст – реальность. М; СПб., 2000. С. 65–70.
- 12 *Чумак Т.* Локальность в условиях глобализации: к вопросу о музыкальной ассимиляции // Глобальное versus локальное: российская провинция в условиях глобализации (философские, социологические, социокультурные и политические проблемы): Сб. ст. и тез. Межрегион. н.–пр. конф. Невинномысск, 2005.
- 13 *Юдина В.* Музыкальная культура российской провинции в контексте культурологического дискурса // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 22–27.
- 14 *Юдина В.* Музыкальное пространство русской провинции: симбиоз природного и культурного // Обсерватория культуры. 2012. № 5. С. 40–45.